

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2268

(2068)

Николай Долгополов

МОРРИС И ЛЕОНТИНА КОЭНЫ

ЕДИНСТВЕННАЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
ПАРА РАЗВЕДЧИКОВ-НЕЛЕГАЛОВ —
ГЕРОЕВ РОССИИ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2025

*Герои России
Моррис и Лона Коэны
считаются одной из наиболее ценных
и «результативных» супружеских пар нелегалов
в истории не только нашей,
но и мировой разведки*

ЭПИЛОГ

Начну с него. Не ради манерности или оригинальности. Все в жизни завершается. Как и долгая жизнь моих героев — Морриса (1910—1995) и Леонтины Коэнов (1913—1992). У этой пары наших друзей, сначала атомных агентов, потом профессиональных разведчиков-нелегалов, не было детей. Ушли, по разным причинам не оставив потомства. Но, не боясь впасть в патетику, напишу: все мы, сегодня в России живущие, своим существованием обязаны и им тоже. Бездетным американским коммунистам, искренне нашей стране преданным и реально давшим нашим отцам и дедам выстоять в борьбе с главным противником — Америкой. Не было бы у СССР атомной бомбы, не добратся бы нам до первой четверти XXI века.

По мнению экспертов, причина поразительных успехов нелегалов в удивительной психологической совместимости — она была идеальной. Понимание друг друга было стопроцентным. На первый взгляд вроде бы верховодила Лона, но окончательные решения принимал сосредоточенный, немногословный Моррис, которого она признавала лидером. В этом дуэте нелегалов он всегда оставался главным. Его хладнокровная рассудительность уравнивала некоторую импульсивность супруги.

Сегодня Моррис и Леонтина Коэны Герои России. Звания разведчикам-нелегалам были присвоены в разные годы и посмертно. Леонтина, или Лона, Коэн — первая женщина-разведчица Герой России, скончалась от рака легких в декабре 1992 года. Указ о ее награждении подписан в 1996-м. Моррис не дожил до счастливого дня меньше месяца. Лег в госпиталь без названия на плановый медосмотр и скончался 23 июня 1995 года. Указ о награждении группы атомных разведчиков опубликован 20 июля 1995 года. Номер его геройской звездочки — 192.

А до этого была сложнейшая работа на грани риска, разоблачения, жизни и смерти. Моррис работал на СССР с 1938 года, чуть позже он завербовал или, лучше сказать, привлек к работе Лону — жену и помощницу. Они многое успели сделать в США, откуда бежали в 1950 году. После четырех лет пребывания в СССР отправились по данным супругов Питера и Хелен Крогеров в Великобританию, где с 1954 по 1961 год успешно работали вместе с советским нелегалом Кононом Молодым (Гордоном Лонсдейлом). Выданные польским предателем, почти девять лет отсидели в тюрьмах. Спасительного обмена, совершенного нашей разведкой ценой невероятных усилий, пришлось ждать до осени 1969 года.

С тех пор жили в СССР, потом в новой России (хочется написать: спокойно и счастливо), передавая свой богатейший и выстраданный опыт будущим разведчикам-нелегалам.

Но одни лишь радужные краски могут испортить правдивую картину. Иногда им приходилось тяжело. Да, сразу после обмена в 1969-м пригласили в самое секретное — нелегальное — управление внешней разведки. И вдруг преграда. Работать в нем имеют право только граждане Советского Союза. Родная Служба моментально подготовила нужные документы. Но застопорилось. Уперся главный партийный идеолог Михаил Суслов. Человек взглядов отсталых, он открыто выступил против. Зачем нужны эти провалившиеся агенты? Попытки объяснить огромнейшую роль Коэнов в создании отечественного атомного оружия разбивались о сусловское непримиримое: его согласия им никогда не дожждаться.

Не парадокс, а полная глупость второго секретаря ЦК КПСС, справиться с которым было не под силу даже председателю КГБ СССР Юрию Андропову. Поняв, что никакими доводами косность Суслова не преодолеть, Юрий

Владимирович поднял вопрос о принятии героев разведки в советское гражданство на Политбюро. Смело заявил, что супруги Коэны сделали для нашей страны даже побольше, чем иные партийные руководители. Был сразу же услышан и поддержан Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым, который всегда хорошо относился к ветеранам: принять и моментально. Он первым подписал постановление, а сразу вслед за ним, не проронив ни слова возражения, поставил свою подпись и «человек в футляре» — Суслов.

Время от времени некие бюрократические сложности у Коэнов все же возникали. И каждый раз решались благодаря родной Моррису и Леонтине Службе внешней разведки.

Сейчас на доме, где жили Коэны, установлена мемориальная доска. Выпущены почтовые марки с их изображением. Мечтаю, чтобы и эта молодогвардейская книга стала данью памяти двум разведчикам-нелегалам, единственной супружеской паре Героев России.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Моррис и Леонтина Коэны, американцы и советские разведчики-нелегалы, преподнесли нам на блюдечке секрет изготовления атомной бомбы. Сейчас разведку называют частью дипломатии — но только скрытой, невидимой. Если согласиться с этим тезисом, то Коэны были на этом невидимом фронте нашими лучшими чрезвычайными и полномочными представителями.

Хочу обязательно пояснить читателям: получение секретнейших материалов по атомной бомбе являлось комплексной, сложнейшей разведывательной операцией, получившей название «Энормоз». Моррис и Леонтина Коэны приняли в ней героическое участие в составе целой группы разведчиков, внесших коллективный вклад в создание ядерного щита Отечества. Имена многих из тех, кто сражался на невидимом фронте внешней разведки вместе с героями этой книги, не были преданы огласке и до сих пор не рассекречены в соответствии с существующими законами. Только совместными усилиями самоотверженных людей отечественной разведке удалось совершить величайший подвиг, на мой взгляд, наиболее важный для нее за всю историю Второй мировой войны.

Имеет ли право автор книги нарушить принятую в знаменитой серии «ЖЗЛ» хронологию и начать повествование о Герое с последних месяцев его жизни? Дайте попробовать! Удовлетворите понятную гордость. Стечение обстоятельств и благосклонность Директора Службы внешней разведки Евгения Максимовича Примакова сделали автора первым (и в силу обстоятельств последним) российским журналистом, писателем, не работником разведки и ее пресс-службы, получившим возможность встретиться с величайшим спасителем мира. Правда, были и телеви-

зионщики, но работавшие в Службе. Четыре с половиной часа беседы, обед с традиционными тостами, экскурсия по квартире...

И полное понимание: добытый Коэнами атомный секрет спас жизнь нам плюс всему миру. Мы договорились обязательно увидеться и поговорить еще раз чуть позже, после выписки из госпиталя, куда Моррис Коэн должен был лечь, как он говорил, «на тесты». Не получилось. Коэн умер в 1995 году за месяц до подписания Указа. Есть некоторые основания предполагать, что Моррису намекали на то, что ему и четверым его друзьям — русским атомным разведчикам — присвоят звания Героев России.

Кем же был этот Моррис Коэн, с которым свела счастливая судьба? До и после смерти о нем немало написано друзьями и недругами. Правда и ложь сплелись в клубок противоречивых воспоминаний. Иногда сплошных выдумок, сухих и плохо пережевываемых. Порой удобоваримых, но надуманных, сенсационных и попросту «желтых». Мне бы очень хотелось, чтобы читатель увидел Героя России, советского атомного разведчика Морриса Генриховича Коэна таким, каким он представлял себя сам. Он говорил, что для них с Лоной в этой жизни существовало три правила, три закона, три заповеди: стойкость, бдительность, терпение.

Не значит ли это, что только герой книги и ее автор претендуют на истину? Не сочтите за самонадеянность. Возможно. Подтверждение — множество документов, раскременных Службой внешней разведки РФ специально для этой книги серии «ЖЗЛ». И моя долгая беседа с Моррисом Коэном.

Здесь все наиболее значимые и допущенные к печати отрывки из нее. Убавить ни в коем случае нельзя, прибавить — можно, но обязательно только документальные, точно зафиксированные факты, а не бредни из Интернета.

Условия приняты? Тогда начинаю.

Командир «Волонтеров»

Моррис уже стар, он явно болен, устал. Как вообще Коэн добрался до своих восьмидесяти четырех? Ведь баланировал на лезвии ножа десятилетиями и однажды был выдан предателем: в итоге приговорен к двадцати пяти годам, из которых почти девять лет отбыл в тюрьмах строгого режима Ее Величества королевы Великобритании.

Какой же он? Я ждал встречи с ним долго: хотя разрешение было получено, однако разведчик болел, почти умирал, но вырывался из цепких объятий костлявой. И вот он передо мной — Моррис Коэн, Питер Крогер, Педро Санчес, Израэль Ольтманн, Бенджамин Бриггс, Луис... единый в бледном своем лице. Сухощавый, скромнейший, аккуратно одетый, седой как лунь и опирающийся на палку старый человек, которого с привычной бережливой строгостью поддерживает под локоть крепкая медсестра.

Дорогой мой Луис, неужели собственной жизнью я обязан частично и вам? Без вас с Леонтиной сколько бы еще предстояло мучиться «Бороде» — нашему гению Игорю Васильевичу Курчатову — над собственной атомной бомбой, а янки ждать не собирались. Хиросима, Нагасаки, а потом, может быть, и Москва? Да, при таком раскладе я мог бы и совсем не родиться в 1949-м.

Был уверен, что вы живете где-нибудь за городом на служебной даче. А мы оказались соседями: пять минут ходу — и я в вашей квартире близ Патриарших прудов. Дом нестандартной постройки, нелюбопытный лифтер при входе, медсестра, знающая, кто и зачем заглянул.

Бедной жены вашей, Леонтины, или Лесли, как ее называли в разведсводках, уже нет. Но квартира хранит то тепло, которое оставила после себя Лона, умершая от рака в 1992-м. Всюду портреты и снимки улыбающейся Хелен. Иногда чудилось, что хозяйка дома вот сейчас, через минуту, вернется из булочной на Малой Бронной. Домашние тапочки у кровати. Красивые женские вещи на привычных местах дожидались ненадолго, на часок, отлучившуюся Хелен. А Моррис говорил о ней на своем интеллигентном английском только как о живой: «Хелен считает...»; «Вы же знаете, какая она всегда рискованная»; «Хелен уверена...» Рассказывая о жене, называл ее всякий раз по-разному: Леонтина, Лона, Хелен, Лесли. Такое у нелегалов, меняющих имена и оперативные псевдонимы, бывает часто. Прошу прощения и я. Приходится в разных главах книги называть Морриса и Лону Коэнов их легендированными псевдонимами — Питер и Хелен Крогеры.

Моррис не был рабом своей любви. Объединяло их чувство светлое и взаимное. Он очень тяжело переживал ее уход. Иногда казалось, что уйдет и сам прямо сейчас. Но его вытягивали и вытянули из депрессии. И он величайшим усилием воли выдержал. Хотя, понимаю, иногда жить не хотелось. Российские коллеги из Службы внешней раз-

ведки заботились о нем трогательно. Вежливые, вышколенные медицинские сестры дежурили в квартире в три смены, и он общался с ними на своем ломаном, так и не выученном русском как с добрыми знакомыми. Пару раз в неделю обязательно навещал Сергей — офицер-куратор из Службы, разговаривающий с Моррисом на безупречном английском. Чтобы успокоить Коэна, он и сейчас с нами. Если нужно помочь, перевести — Сергей рядом.

Экскурсия по квартире с комментариями Коэна: фото разведчика Абея — Фишера и чуть менее знаменитого его коллеги Молодого — Лонсдейла. Волею судьбы Моррису довелось работать и с тем и с другим. Рядом, в рамочке, Юрий Андропов. Портреты Лоны и Морриса, написанные «товарищем из нашей Службы», как впоследствии узнал — художником и разведчиком Павлом Георгиевичем Громушкиным.

И вдруг — веселые, цветастые стенные газеты с заголовками: «Здравствуйте, товарищи Питер и Лесли!» и «Поздравляем с праздником, дорогой Питер!». Открытки, приветствия от школьников — максимум пятиклассников. Это не забывали Крогера внуки и правнуки тех российских чекистов, с которыми он рисковал за кордоном. Несколько академическая, суховатая квартира согревается теплом, которого Питеру, наверное, все равно не хватает. Книги в основном английские, изредка — на русском. Для большинства читателей в них история разведки, для Морриса — его собственная. Опираясь на палку, достает фолиант, другой: «Вот пишут, что Икс сделал то-то. Не совсем так...» Или: «В Америке до сих пор верят, что... Пусть они остаются при своих заблуждениях».

Потом пошли воспоминания о гражданской войне в Испании. О товарищах, которых уже нет. Характеристики точны, я бы сказал — хлестки... Несколько человек из интербригады еще были живы, и кое с кем Коэн вел переписку: создавался Музей памяти интернационалистов. Один ближайший друг по гражданской войне в Испании хотел было приехать, но внезапно замолчал, пропал. У Морриса, едва ли не в первый и последний раз за ту встречу, на глазах — слезы. Похоже, друга больше нет. Они вместе воевали, ходили в атаку. Фашизм, Франко, интербригада.

А мне эгоистично хочется, ну не терпится задать вопрос, который и задаю, правда, в самом конце четырех часов беседы:

— *Моррис, так все-таки атомную бомбу выкрали вы с Лоней?*

Коэн молчит, подбирает слова:

— Нет, я бы так не говорил. Мы не были физиками, математиками, знатоками. Просто Лона сумела передать нашим товарищам материалы, которые собрал в атомной лаборатории Лос-Аламоса ученый-атомщик «Персей».

Кто такой «Персей»?

Кто же такой «Персей»? Тогда подлинное имя этого человека, так выручившего Курчатова, оставалось тайной. Появилась у нас в России книга, где вроде бы давался «толстый намек» по этому поводу. Коэна публикация здорово рассмешила: ни на грош истины. Впоследствии выяснилось, что действительно — «утка».

— *Ну так где же правда, Моррис?*

Пожатие плечами. Удивленный взгляд через лупу на длиннющий, крупным шрифтом набранный список моих вопросов: неужели непонятно, что ответов не последует? И тут же уход в сторону: повествование о трудном детстве в Бруклине, об отце — сначала уборщике улиц, потом торговце овощами. О работе учителем и сложных экзаменах на эту должность, когда его, коммуниста, упорно пытались завалить.

В разговоре он, несмотря на годы, показал себя мастером больших «уходов», что подтвердили и три старших офицера из Службы внешней разведки, чинно расположившихся на широком кожаном диване в гостиной. Как внимательно они слушали Морриса. И, судя по реакции, очень многое из Коэном рассказанного стало для них откровением.

Да, все-таки Моррис рассказал мне немало.

— *Вы знали того ученого лично?*

— Естественно. Познакомились в Испании, где мы оба воевали против Франко.

(Здесь Моррис лукавил: «Персей» в Испании по молодости лет не воевал.)

— *Он американец?*

— Да.

— *Скажите, а он что, входил в группу «Волонтеры», которую вы организовали в США?*

— Откуда вы взяли это название? Да, у нас были люди, антифашисты, безвозмездно, без всяких вознаграждений помогавшие СССР. Но при чем тут «Волонтеры»?

(Так называли эту группу в советской разведке, о чем уведомлять Коэна было совсем не обязательно. Филби и его друзья тоже в свое время удивились бы, узнав, что в СССР они стали известны как «Кембриджская пятерка».)

— *Кем был «Персей» по профессии?*

— Вот он-то был физиком.

— *Как же вам удалось на него выйти? Ведь весь персонал лаборатории в Лос-Аламосе был засекречен и находился под надзором.*

— «Персей» сам обратился ко мне (нет, сначала совсем не к Коэну. — *Н. Д.*) с просьбой вывести на русских: знал, что я служу в «Амторге» (Советско-американская акционерная компания, учрежденная в Нью-Йорке и там работавшая. — *Н. Д.*). Посоветовался с нашими, и прямой разговор поручили мне. Говорили мы в нью-йоркском ресторане «Александр», продолжили в маленьком магазинчике. Он даже обиделся, когда я упомянул о долларах.

(Нет, документы доказывают, что все было не так. Коэн «уводил» меня от другого советского разведчика. А вот доллары действительно были здесь абсолютно ни при чем.)

«Персей» пошел на сотрудничество, как и мы с женой, ради идеи. Опасался, что страшное оружие, которое разрабатывали в Лос-Аламосе, в конечном счете используют не только против Германии, но и против русских союзников тоже.

— *Мистер Коэн...*

— Называй меня Моррисом или Питером, я не мистер.

(Наша беседа велась на его родном английском, а если мы изредка переходили на русский, то Питер обращался ко мне на «ты», как и ко всем остальным. С «вы», иногда все же вырывавшимся, получалось у него сложнее, тут же начиналась путаница с глаголами, спряжениями и падежами. Объяснялся со страшным акцентом, хотя, как рассказывал, в свое время много читал на русском. Хотел бы я знать, как.)

Лона поехала «за чем-то»

— *Хорошо. Моррис, но почему на встречу с «Персеем» в Лос-Аламосе за чертежами бомбы поехала ваша жена, а не вы сами? Задание-то было сверхсерьезное...*

— А потому, что шла война, и в июле 1942 года меня мобилизовали. Из армии было не вырваться. И потом, моя жена ездила не в Лос-Аламос, кто бы пустил ее в запретную зону? Даже тех, кто работал в лаборатории, из городка вы-

пускали раз в месяц, в одно из воскресений. Моя жена не слишком догадывалась, за чем именно едет, — она должна была взять у незнакомого молодого человека «что-то» и передать это «что-то» нашим в Нью-Йорке.

— *Как прошла та встреча?*

— Со сложностями. Лона слегка обезопасилась свидетельством нью-йоркского врача: надо подлечить легкие. И почему бы не на курорте Альбукерк? Кому какое дело, что этот городишко недалеко от Лос-Аламоса, или «Карфагена», как называли его в Центре? Но и в Альбукерке за приезжими тоже приглядывали, и жена поселилась в пригороде, в Лас-Вегасе.

— *Вы не путаете? Лас-Вегас — совсем в другом конце Америки...*

— Городков с таким названием в США несколько. Жена сняла комнату в Лас-Вегасе, штат Нью-Мексико, в каком-то маленьком пансионате. «Персей» она никогда не видела, но Хелен показали его фото.

(У меня впечатление, что «Питер» — Моррис — «Луис» иногда путался в именах и псевдонимах супруги: «Лесли» — «Хелен» — «Тереза» — Лона — «Мария» — «Эмилия» — «Мэри»...)

Так вот, «Персей» должен был держать в правой руке журнал, в левой — желтую сумку, из которой торчал бы рыбий хвост. Если сумка повернута к «Хелен» лицевой стороной с рисунком, то к «Персею» можно подходить смело: слежки нет, обмен паролем и передача того, ради чего и приехала Лона. Встречу назначили, понятно, на воскресенье, у храма в Альбукерке. И здесь жене пришлось понервничать: «Персей» пришел только в четвертое воскресенье. Целый месяц ожидания!

— *«Персей» объяснил, что произошло?*

— Молодой парень на ходу признался Лоне, что перепутал дни.

— *Но, насколько понимаю, ожидание было не напрасным?*

— Как вам сказать...

Коэн вопросительно смотрит не на Сергея, а на старшего участника нашей беседы. Тот кивает головой: теперь, мол, можно.

— Между рыбиной, кажется это был сом, и журналом лежало полторы сотни документов.

— *Какие? Чертежи?*

— Это я обсуждать не буду. — Голос Питера звучит неожиданно твердо. — Я вам уже говорил, что тут я не знаток.

— *То была первая и последняя встреча вашей жены с «Персеем»?*

— Это был не единственный раз, когда она отправлялась в те края. Только время для подробностей еще не пришло.

— *Кем же был «Персей»? Как сложилась его судьба после войны?*

— Я полагаю, и через столетие это не будет раскрыто. (Как же заблуждался Моррис. Ста лет ждать не пришлось. — *Н. Д.*) Думаю, и в Службе остались два, может, три человека, которые знают его подлинное имя. Некоторые пытаются строить догадки. В последние месяцы, мне говорили мои товарищи, всплыли какие-то домыслы. «Персей» помогал нам из чистого благородства.

— *Вы имеете в виду, что работал бесплатно?*

— Об оплате не было речи. Такие, как он, боролись за идею. Штаты и Советский Союз должны жить в мире, значит, их силы обязаны быть равны.

— *И «Персей», сделав это военное равенство возможным, не попал под колпак контрразведки?*

— Да.

— *Но ведь вскоре после войны англичане арестовали другого ученого-атомщика.*

— Да, немецкого антифашиста Клауса Фукса — оперативный псевдоним «Чарльз». Сначала он трудился над созданием бомбы в Англии, затем в Лос-Аламосе. В Англии, куда Фукс вернулся после войны, его и арестовали. Допросы шли долго, Фукс запирался. Но на него давили, как это частенько случается, приводили ничем не подтвержденные «доказательства» и заставили сознаться, что выдавал секретную информацию Советам из идейных побуждений.

— *Как же остался вне подозрений «Персей»?*

— Предатели его не знали, арестованные разведчики если и знали, то не выдали.

— *Судя по вашему упорству, «Персей» и после войны оставался в США?*

И тут Моррис меня буквально ошарашил:

— Да. Надеюсь, что и сейчас живет там тихой, мирной жизнью. Ему есть чем гордиться.

— *Моррис, но ведь и вашему с Лоной фантастическому везению все-таки пришел конец.*

— Вы меня о многом спрашиваете, наводя на ответы типа «да» или «нет». Но в нашем положении такое нереально. Мы совершили все это из признательности России, вер-

ности партии, идеалам, которым служили. Вы же, не правда ли, считаете нас атомными экспертами. И ошибаетесь.

«Моррис, вы помните Абеля?»

Леонтина и Моррис продержались в США на своих немислимо дерзких ролях около двенадцати лет. Они были осторожны. Но было и нечто иное, спасавшее от провала: работавшие с ними русские берегли их не только с профессиональной, но и с душевной ответственностью.

Менялись люди, передававшие задания и выходившие на связь. Семен Семенов — «Твен», затем «Джонни» (Анатолий Яцков), «Клод» (Юрий Соколов) числились дипломатами; другие, как Абель — Фишер, проникали в Штаты нелегально.

Фишер был одним из последних, с кем их связала судьба перед бегством в СССР. Вспомним: он обосновался в США в 1948 году. Сотрудничество с Коэнами продолжалось долго. Но сколько лет идет в разведке за один: три, пять? И совершить они вместе успели многое.

А как оценивает Абеля — Фишера его связник Луис — Моррис Коэн? Не случайно же фотография полковника в квартире на Патриарших — на самом видном месте.

— У меня впечатление, что в СССР имя Абеля известно гораздо больше остальных. Не знаю, почему оно всплывает чаще других, ведь в Штатах со мной работали шестеро из нашей Службы. Каждый из них был личностью, только друг на друга они не походили. Была общая школа, но работали по-разному. И «Милт» по натуре был настоящим техником.

— *Это кто-то из шестерых?*

— Так мы с Лоной называли между собой человека, которого вы продолжаете именовать Абедем. Вот кто блестяще разбирался в физике! А сотрудничество началось своеобразно. Хелен — вы, наверное, поняли — была не из пугливых, но однажды чуть не запаниковала. Ехала в метро и вдруг спиной ощутила: следят. Меняла направления, пересаживалась. Народу в воскресенье в сабвее немного, и за четыре часа этой гонки она измоталась. Но решила, что оторвалась, поехала домой, и уже на выходе к ней подошел человек в соломенной шляпе. Сказав что-то незначительное, привлек ее внимание и... произнес пароль. Он следил, есть ли хвост за ней и за ним. И приблизился, только с десятков раз проверившись. В этом — весь «Милт». Он любил

назначать встречи в зоопарке, предпочитал соседство певчих птиц. Ему нравилось их пение, как и то, что в зоопарке человек, наблюдающий не за птицами и животными, а за себе подобными, невольно замечен.

— *Кто из связников был вам ближе? С кем работалось легче, спокойнее?*

— Легче, спокойнее — не те слова и не те ощущения. О каком спокойствии вы говорите? Мы дружили со всеми, и когда оказались в Москве, эта личная, замешанная на общем деле и чувствах дружба переросла в дружбу семейную. «Бена» (Гордон Лонсдейл, он же Конон Молодой. — *Н. Д.*) уже нет, а его жена Галина меня навещает. И жена «Джонни» — тоже... И Юрий Соколов, и его дочь Наташа. «Милт» умер, но мы видимся с его дочерью Эвелиной. (Мне повезло знать некоторых из Моррисом упомянутых. В живых сейчас осталась лишь Наталья Юрьевна Соколова. — *Н. Д.*) Мы были волею судьбы друзьями там. Собственной волей оставались друзьями и здесь.

— *Говорят, что в нелегальной разведке не до дружеских отношений...*

— Без них делать нечего! «Милт» умел объединить людей. «Бен» — завести шуткой. Анатолий Яцков, еще один мой начальник, поражал хладнокровием. Как он натерпелся и сколько испытал, когда Лона ждала «Персея» и застряла около Лос-Аламоса на месяц! У всех у них было прекрасное образование. О «Милте» я уже говорил. Яцков — умнейший инженер. Семен добился ученой степени в Москве и Массачусетском технологическом институте. И мне с моим дипломом преподавателя истории, полученным в университете Колумбии, было интересно с ними. Конечно, с одними я сходил ближе, с другими — не слишком. Но общая цель объединяла. Мы знали твердо, за что бьемся. Хороший ответ на ваш вопрос?

— *Откровенный. На чем все-таки строились отношения в связке американский гражданин и разведчик из чужой страны, на которого он работал? Относительно бескорыстия я все понял. А как с дисциплиной? С безоговорочным подчинением приказам?*

— Дисциплина, приказ — часть профессиональных отношений. Но мы работали не на кого-то, а вместе. Улавливаете разницу? И глубоко уважали друг друга. Существовали моральные обязательства, которые выполнялись. Мы берегли наше дело и себя. Хотите — верьте, хотите — нет, но эти отношения невольно усваивались родственниками,

передавались даже детям. Люди поддерживали определенные, иногда рискованные связи со мной, с Лоной, видя нашу признательность за ими совершенное.

— *Вы намекаете, будто секреты приплывали к вам и в форме некой благодарности?*

— Почему бы и нет?

Бегство со всех ног

— *Но тогда в Нью-Йорке вы же чувствовали, что конец неизбежен? Даже если бы американская секретная служба не расшифровала в 1950-х посланий НКГБ военных лет, не провела бы так называемую операцию «Венона»¹, все равно провалось бы другое звено. Цепочка-то хрупчайшая. Когда вы поняли: провал близок?*

Деликатная тема: уход от ареста, а в случае с Коэнами — и полный разрыв с родиной, с Соединенными Штатами. Но довольно неожиданно для меня Моррис не слишком заперся. Три офицера Службы внешней разведки внимали его исповеди с не меньшим интересом, чем я. Что может быть трагичнее бегства из родного дома?

Маккартизм, названный по имени развязавшего «охоту на ведьм» сенатора Джозефа Маккарти, бушевал так, что под подозрение, иногда приводившее в камеру, попадали люди, казавшиеся по сравнению с Коэнами невинными младенцами. Испания, компартия, нескрываемая симпатия к Советам — одно это могло насторожить ФБР. К тому же Коэн как руководитель группы общался со множеством источников-американцев...

¹ Операция «Венона» была проведена Агентством национальной безопасности США и английскими дешифровальщиками. В результате, как утверждают американские источники, были раскрыты некоторые шифры, которыми в 1940-х годах пользовалась советская разведка. Такое стало возможно и из-за предательства в сентябре 1945 года Игоря Гузенко — шифровальщика Главного разведуправления Советской армии, работавшего в Канаде под прикрытием сотрудника посольства СССР. Гузенко прихватил некоторые шифры и передал их американцам. Те долго не разглашали информацию о расшифрованных кодах. Даже при предъявлении обвинений арестованным советским агентам данные, содержащиеся в частично дешифрованных радиограммах, не оглашались в надежде на то, что русские не догадывались о дешифровке. Вот почему некоторые обвинения в судах звучали неубедительно.

Коэны, как выяснилось впоследствии, были на подозрении у контрразведки в связи с одним громким делом, однако в США никогда не привлекались к ответственности и ни разу не допрашивались. Их фамилия вновь всплыла в США, когда в 1957 году при обыске у арестованного советского агента, назвавшегося Рудольфом Абелем, из конверта с деньгами выпали две маленькие фотографии для паспорта. Вроде бы — Коэны. Соседи Морриса и Лоны по дому в Нью-Йорке, которым показали снимок Абеля, не совсем уверенно сообщили: кажется, этот человек как-то под Рождество наведывался к Коэнам. Но это не точно, совсем не точно.

Все-таки еще в 1950 году Центр решил постепенно выводить Луиса и Лесли из игры. Связник «Клод» — Соколов порекомендовал Моррису поменьше общаться с другими членами группы. Потом в один далеко не прекрасный день «Клод», вопреки всем законам разведки, пришел к ним домой: надо уезжать. И быстро. Вскоре у них появились паспорта на имя супругов Санчес. Многих путешествие на пароходе по маршруту Нью-Йорк — мексиканский порт Веракрус, да еще за чужой счет, обрадовало бы. Но только не их...

— Летом 1950-го мы начали готовиться к отъезду. Понимали, что, если не уедем, рискуем попасть под подозрение, — вступает Моррис. — Это выведет на Лос-Аламос. Я простился с друзьями. С отцом...

— *Он имел хоть какое-то представление о том, чем вы занимаетесь?*

— Отец понял, что расставание — навсегда. Понимал это и я. А для друзей мы создали целую легенду. Она была столь похожа на истину, так переплеталась с жизнью, которую мы вели, что у близких товарищей подозрений не возникло. Но я-то знал: судьбу не обманешь. Я любил свою страну, знал свой родной Нью-Йорк как собственную ладонь. Я делал дело, которым гордился и которое мне приходилось вот так решительно бросать. Что ждало меня, Лону? Не думайте, будто я не слышал о жестокости дядюшки Джо (Сталина. — *Н. Д.*). И при прощании я эмоционально не выдержал, чуть не опоздал на судно. Отец, мне кажется, тоже понял, что нам больше никогда не увидаться. Один из тяжелейших моментов моей жизни...

— *Что было после парохода?*

— Порт Веракрус, из него в столицу — Мехико, раскаленная от жары конспиративная квартира товарища из на-

шей, советской Службы и еще полмира: Франция, Германия, Швейцария, Чехословакия... Конечный пункт — Москва.

— *Вы добирались до нее не самым прямым путем...*

— Не всегда самый короткий путь наиболее надежный. В Швейцарии было трудно попасть на самолет. Рейсы, например, из Женевы в Прагу — лишь раз в неделю, и билетов не оказалось, а мы не давили, требуя себе места. Не в том находились положении. В аэропортах, сами знаете, паспортный контроль обеспечен. В поездах его иногда удастся избежать. А Хелен была на пределе: гонка по миру действовала на психику. И мы решили рискнуть, перебраться из Германии в Чехословакию поездом. Была сложность. В те годы для редких американцев, направлявшихся в страны коммунистического блока, требовался маленький вкладыш в паспорт. Он выдавался в Госдепе или в консульствах США за границей. Вот в них-то нам хотелось обращаться меньше всего. Двинулись поездом, без вкладыша. И нарвались на проверку документов.

— *Вы же наверняка ехали по чужим паспортам...*

— По-моему, мы были миссис и мистером Бриггс. Но за время путешествия, превратившееся в длинное, могло произойти что угодно. Может, нас уже искали по всей Европе. Короче, мы были задержаны западными немцами, высажены из поезда и получили приказ от немецкого офицера: «Следуйте за мной!» Задержали нас около полуночи в субботу, было уже три часа утра, а мы еще торчали на станции. Офицер названивал в американское генконсульство, и, к нашему счастью, телефон не отвечал: уик-энд для дипломатов — святое. Однако как же глупо было попасться вот так, после всего, что мы сделали, и после стольких миль пути! С другой стороны, могли затормозить и в аэропорту. Еще не арест, но очень рядом. Надо было действовать, что-то предпринимать, и жена подняла типично американский скандал — орала на немцев: «Кто, в конце концов, выиграл войну — Штаты или вы?! Не имеете права задерживать американскую делегацию!» Знаете, это в стиле Хелен: чем труднее ситуация, тем лучше она ориентировалась и решительнее действовала. А уж голос у нее был в те годы громкий. И напуганные пограничники привели какого-то заспанного малого — сержанта Ю-Эс армии (американской армии. — *Н. Д.*). Тот хоть и спросонья, но быстро вошел в наше положение. Оно было еще более нелегким, чем ему могло представиться, и парень обратился при нас по телефону к своему военному начальству. Но и там ответили, что

генерал, от которого все зависело, приедет в девять утра. Сержант нам сочувствовал, откуда-то притащил чудесное вино «Либфраумильх», и мы с ним принялись отмечать наш идиотский арест или нечто вроде того. Жена пригласила двух задержавших нас офицеров-немцев. Лона разошлась, «Либфрау» поглощалось все быстрее, однако генерала не было ни в девять, ни в десять, наверное загулял, как и мы. Сержант попытался запросить насчет нас кого-то в Мюнхене. Кажется, мышеловка захлопывалась.

И вдруг пришел он, шанс. Каждый разведчик всегда его ждет, а шанс изредка появляется, но чаще всего нет. Но тут внезапно возник: во-первых, закончилось вино; во-вторых, сержант торопился на свидание к спасшей нас незнакомой Гретхен; в-третьих, немецкие офицеры-пограничники напились и по команде нашего соотечественника с трудом поставили неразборчивые закорючки в паспорта таких компаний супругов-американцев. И в-четвертых, почему-то как раз подоспел поезд на Прагу, и рыжий сержант нас в него посадил. Был столь любезен, что даже забросил на полки наши чемоданы. Короче, 7 ноября 1950 года мы отмечали в Праге.

— *Уж там-то вас встречали как героев?*

— Что-то не сработало, и в Праге никто нас не ждал! Праздники — связаться с кем-либо сложно. Но уже в гостинице мы почувствовали себя в безопасности. Нас, правда, напугал стук в дверь: но то была всего лишь горничная, вежливо осведомившаяся, не нужен ли телефон американского посольства. Хелен почему-то сказала, что нет. В Праге мы провели месяц.

— *Почему так долго?*

— В силу разных довольно сложных обстоятельств. Ждать в Праге, как вы, вероятно, догадываетесь, было лучше, чем где-нибудь в Париже. И наконец, самолет Прага — Москва.

— *Вот уж где, готов спорить, вас принимали с достойными почестями!*

— Пропорили. Как и в Праге, во Внукове нас никто не встречал. Расстроились, в голову лезла дурацкая мысль: «А может, дядюшка Джо арестовал товарищей, с которыми мы работали?» Прошли паспортный контроль, таможеню — никого. Видя наше смятение, у выхода из аэропорта какой-то вежливый юноша предложил подвезти в посольство США. На площади шофер автобуса вызвался подбросить туда же — удалось же чехам и русским это посольство!

Мы отмахнулись от любезных предложений, попросили таксиста остановить возле единственной гостиницы, о которой слышали. В «Национале», теперь я понимаю наше страшное везение, поселили в неплохом номере.

Наступил вечер, русских денег не было: от наших долларов отказывались с испугом, будто мы хотели купить на них военные секреты. С некоторыми усилиями заказали в комнату чай с сухим печеньем. И тут к нам ворвались друзья из нашей Службы. Теперь мы были дома и пили нечто покрепче хрупкой «Фраумильх».

...Так бесследно исчезли из квартиры на 71-й Ист-стрит Лона и Моррис Коэн. Отец Морриса через некоторое время со вздохом сообщил знакомым, что сын с женой покинули Штаты, чтобы попытать счастья в иных краях, и закрыли свой банковский счет. По-нью-йоркски сие обозначает уплыть с концами...

— *Хорошо, вы добрались до СССР. Что было дальше? Вам и Хелен предложили продолжить сотрудничество?*

— Это вопрос чисто профессиональный. Я оставляю его без ответа.

Придется ответить мне, отдав дань уважения человеку, и в свои далеко за восемьдесят не забывшему принцип: не рассказывать, чего нельзя.

Немного отдохнув, Коэны три-четыре года штудировали с советскими преподавателями то, чему 12 лет обучались на курсах самоподготовки в США, а именно — работу разведчиков-нелегалов. Иногда куда-то на короткое время выезжали...

Как бы то ни было, под Рождество 1954 года в доме 18 по Пендерри-Райз в Кэтфорде, что на юго-востоке Лондона, обосновалась милая семейная пара: Питер и Хелен Крогеры приехали в Великобританию из Новой Зеландии. Глава семьи открыл небольшой букинистический магазинчик поблизости. Дело у него поначалу двигалось вяловато. Порой путался, но не в книгах — здесь-то он был как раз силен, — а в финансах. Соседи и те поняли, что интеллигентный, мягкий Питер — букинист из начинающих. Резидент-нелегал Конон Молодой, он же бизнесмен Гордон Лонсдейл, отлично знакомый Коэнам — Крогерам под псевдонимом «Бен», использовал своих радистов вовсю. За шесть лет в Лондоне это трио успело многое.

Они стали профессионалами еще в США. Официальный статус разведчиков получили в Москве, в январе

1961 года их арестовали в Англии. Но что было до этого? Почему приходят в разведку? Что, или кто, подталкивает к трудному жизненному решению?

Из просто Ольтманна — в просто разведчики

В годы могучей веры в великое пришествие коммунистического завтра задача по привлечению новых кадров была несколько упрощена. Фашизм еще резче подтолкнул многих, даже от марксизма-ленинизма далеких, в объятия Страны Советов. Они помогали нам честно, с парадоксальным по нынешним временам бескорыстием.

Им «платили» идеологией, которую они разделяли. Эта волшебная штука была для них поважнее банкнот. Интербригады гражданской войны в Испании объединили и спаяли тысячи антифашистов, невольно превратив их в огромный подготовительно-отборочный класс советской разведшколы. Оттуда, из Испании, в ряды бойцов-невидимок вступили десятки наипреданнейших. Вопрос-то стоял просто: фашизм или демократия? Ее можно было сохранить, вступив в союз с Советами. И многие вступали. Коричневый цвет фашизма был им отвратителен.

А теперь у Морриса в коридоре чеканка на металле с изображением типично испанского дома с колоннами, около которого воевавший в интернациональных бригадах Израэль Ольтманн почему-то задерживается: «Приглядитесь к особняку, какие колонны, а? Я потом вам объясню». А потом был рассказ о беседе с советскими товарищами именно в этом особняке с колоннами, откуда он вышел уже согласившись работать на Советский Союз — на его разведку.

До этого Коэн прошел по всем ступенькам, ведущим в друзья СССР. Член Лиги молодых коммунистов, еще в детстве слышавший на нью-йоркской Таймс-сквер Джона Рида — писателя, одного из организаторов компартии США («Это лучший оратор в моей жизни»). Студент-агитатор, расклеивающий ночью листовки в студенческом кампусе. Распространитель коммунистической печати и штатный парторганизатор.

Он получил диплом преподавателя истории, но курс исторических истин осваивал в Испании, куда отправился сражаться под именем Израэля Ольтманна. Ему везло и не везло, он стрелял и убивал, а в сражении при

Фуэнтес-де-Эбро был ранен в обе ноги и еще чуть выше паха. Положили в госпиталь и четыре месяца лечили в городе Мурсия. Потом он уже сам выхаживал лежачих, проклинавших Франко, который одерживал победу за победой. Вот тут-то в 1938 году 50—60 человек выздоравливающих отправили прямо на автобусе в двухэтажный особняк, изображение которого Моррис демонстрировал мне в прихожей. Особнячок и довел Коэна до Москвы. Он оказался в группе американцев, которых вывезли туда «на интервью»: «Сомневаюсь, чтобы все, с кем говорили, пошли в Службу. Я был третьим американцем, вызванным на собеседование. Не знаю, как первые два. Я — пошел».

С этим не поспоришь. В 1939 году, когда развернулась в Нью-Йорке международная выставка, в кафе от нее не-подалеку к нему подсел приехавший из Москвы студент. Затем приятный паренек как-то заглянул в его скромное нью-йоркское жилище и протянул сломанную расческу.

— Вещественный пароль! — едва ли не в один голос воскликнули по-русски сидящие с нами офицеры СВР.

— Моя половинка расчески, захваченная из Барселоны, пришлась точь-в-точь к половинке расчески моего юного друга. Он был первым из русских, с кем я стал работать.

Связник «Твен» (Семенов) в донесениях, отсылаемых в Центр, называл Морриса его оперативным псевдонимом «Луис». Вскоре «Луис» с разрешения Центра привлек в свою группу собственную жену Леонтину, трудившуюся на военном заводе.

Как-то они на пару вывезли с предприятия новейший пулемет в сборе. Но это так, к слову, один из эпизодов их разведдеятельности. Моррису он запомнился лишь потому, что ствол был тяжелый, длинный и никак не помещался в багажник машины с дипломатическим номером.

Кто вы, Моррис Коэн?

Так кто же на самом деле Коэны? В некоторых зарубежных изданиях Морриса, хотя и с долей сомнения, называют американцем, Лону же на первых порах расследования их деятельности зачислили в русские разведчицы. Мол, заброшенная в Штаты Леонтина якобы фиктивно вышла замуж за Морриса. Ерунда!

Леонтина Тереза Петке родилась в Массачусетсе. Родители эмигрировали в США из Польши, и в жилах ее дей-

ствительно течет славянская кровь. Член компартии США, профсоюзная активистка, она познакомилась с будущим супругом там, где и должна была по логике познакомиться, — на антифашистском митинге. Догадывалась о связях мужа с русскими, а затем работала с ними из тех же побуждений. Незадолго до ее кончины СВР помогла осуществить одной из лучших своих разведчиц заветную мечту: в Москву из Штатов приезжала родная сестра Леонтины. Собиралась приехать еще... Формально въезд в Соединенные Штаты не был закрыт и для миссис Коэн. Повторюсь, что ни против нее, ни против ее мужа, даже когда их принадлежность к нашей разведке была доказана, никаких официальных обвинений в США не выдвигалось.

Отец Морриса родом из-под Киева, мать родилась в Вильно, а жили они в Нью-Йорке в районе Ист-Сайда. Коэна американцы признают своим: раскопали, что в колледже он был отличным игроком в американский футбол и даже получал спортивную стипендию. Моррис подтвердил, что играл: «Может, поэтому у меня до сих пор так болит и ноет по ночам разбитая на игре в Миссисипи коленка?» Остались ли у него в Штатах родственники, он не знает. Возможно.

Детей у Морриса с Леонтиной не было, и о причинах, «почему нет», догадаться, надеюсь, несложно: могли в любую минуту арестовать, бросить в тюрьму. Хотя есть и две другие версии, но пока довольно и этой.

Люди, знающие чету Коэнов достаточно близко по их московскому периоду, рассказывают, что у старых разведчиков по-прежнему была идеальная совместимость. И по-прежнему, как в США и Англии, решения принимал молчаливый Моррис. Лона щебетала по-русски, он погружался в книги на английском. Во время встречи признался мне, что больше года не читает — отказали глаза.

Но в 1954 году, когда 44-летний «новозеландец» Питер Крогер с супругой появился в Лондоне, зрение у него было орлиным. К Гордону Лонсдейлу прибыла отличная пара надежных связников-радивов.

Они проработали в Англии до 1961 года. Арест застал их врасплох, хотя за пару дней до провала и почувствовали слежку. Столько шпионских принадлежностей сразу, сколько их отыскивали в домике на Пендерри-Райз, британская контрразведка еще не видела. Супруги уже отсиживали свой срок, а новые жильцы то и дело натывались на спрятанные в доме или закопанные в саду шпионские реквизиты.

Причина ареста трагически банальна — предательство. Предал Крогеров и Лонсдейла разведчик дружественного нам в то время государства. Суд продолжался лишь восемь дней. Дружище «Бен» получил 25 лет, Питер Крогер — 20 лет плюс еще пять, Хелен — 20 лет. Все трое наотрез отказались сотрудничать и с английской контрразведкой, и со следствием. Лонсдейл взял всю вину на себя, а Крогеры, вопреки неопровержимым уликам в виде радиопередатчиков и прочего, настаивали на полной своей невиновности. Тяжкий приговор был, по крайней мере внешне, воспринят ими с профессионально сыгранным безразличием. Крогеры сохраняли его все девять лет мотаний по британским исправительным заведениям.

— Одна тюрьма была омерзительнее другой, — передергивает плечами Моррис. — Меня переводили из камеры в камеру, перевозили с места на место. Боялись, что убегу. Или разложу своими идеями заключенных. Сидел с уголовниками, и люди, с которыми я отказывался сотрудничать, надеялись, что сокамерники сломают «русского шпиона». А я находил с ними общий язык. Видите в уголке на стуле здоровенного медведя в немыслимо голубом плюше? Мне подарил его в тюрьме по случаю освобождения знаменитый налетчик, совершивший «ограбление века», — тогда из почтового вагона увели два с половиной миллиона фунтов стерлингов наличными.

— *Вы отсиживали в солидной компании...*

— Меня с тем парнем действительно считали особо опасными. И Блейка тоже. Нас с Джорджем судили в том же 1961-м, и вдруг мы каким-то чудом или по недосмотру властей оказались вместе в лондонской тюрьме «Уормвуд Скрабс». Вот кто стал другом до конца жизни! Мы говорили обо всем на свете и находили общий язык, словно сиамские близнецы. Мои 25 лет казались шуткой по сравнению с его приговором в 42 года. И Джордж сбежал. Ничего другого не оставалось...

— *Моррис, с трудом верится, хотя нет, не верится, будто вы не знали, что Блейк готовится к побегу.*

— Вы совершенно не представляете работу в разведке, иначе бы не делали таких опрометчивых заявлений! Я даже не успел узнать о его вечернем побеге, как наутро был переведен из тюрьмы Скрабс в тюрьму более строгого режима, а потом — на остров Уайт. Отсюда никогда и никто не убежал и не убежит — от острова до ближайшей сухой точки миль тридцать. Режим суровейший, климат мерзкий, еда

отвратительная. И если бы не книги, я бы мог сойти с ума. Да, книги, друзья, вера в собственную правоту полностью оправдывают мою жизнь и то, что я в ней сделал. В ваших вопросах вы тонко намекаете, что я как бы скучаю и мучаюсь в Москве, куда мы с Хелен приехали в 1969-м. Ошибаетесь. О русских друзьях я вам рассказывал. Джордж Блейк, который тоже постоянно живет в Москве, теперь навещает меня часто. Попробуйте найдите такого собеседника в Нью-Йорке или Лондоне!

— *Но круг общения, смею предположить, не слишком широк...*

— Мы опять выходим на профессиональные проблемы. Конечно, мне иногда хочется увидеть кого-то из друзей детства. Ребят из интернациональной бригады Авраама Линкольна — кое с кем из них я, между прочим, не так давно встречался. С иными увидеться не суждено. Но тут я дома, у себя, это — моя родина. И я гражданин России — такой же, как вы.

Они с Лоной долго прожили в Москве. Девять лет в тюрьмах ее Величества — и Коэнов — Крогеров обменяли на английского антисоветчика-неудачника Джеральда Брука плюс двух контрабандистов наркотиков. Громаднейшие были преграды: КГБ официально не мог признать Крогеров «своими». Пришлось действовать «через польских товарищей». В Москве их ждал Лонсдейл — Конон Молодой, обмененный еще в середине 1960-х на британского разведчика Винна.

Абель — Фишер, Лонсдейл — Молодой, Блейк... В этой галерее разведывательной славы есть почетное место и для них — Леонтины и Морриса Коэнов.

БИОГРАФИЯ НАЧИНАЛАСЬ ТАК

Кто расскажет о вехах своего пути лучше, чем сам герой, всю длинную дорогу преодолевший.

Моррис Коэн написал автобиографию по просьбе «товарищей из нашей Службы». Так называл он сослуживцев из российской внешней разведки. Будем считать, что это окончательная версия его жизни, изложенная Моррисом так, как она ему виделась. Вряд ли Коэн отошел здесь от истины. А если и отошел, то недалеко. Кого обманывать? Не себя же и не разведку, на которую он работал десятилетиями.

Родился 2 июля 1910 года в Нью-Йорке. Его отец Гарри, или Генри — Генрих, в 1898 году бежал из России, спасаясь от службы в армии, в которой еврею пришлось бы наверняка худо. Хотя эмигрировал, не дожидаясь армейского призыва: до местечка Таращи Киевской губернии, где жили Коэны, не останавливаясь, катилась волна погромов. Думаю, в те времена фамилия его звучала как Коган или, может, Кохан.

Когда Моррис, отсидев 8 лет и 10 месяцев в британских тюрьмах, обосновался в Москве, то получил в придачу к красному советскому паспорту и отчество — Генрихович. Позволю себе называть его отца Генрихом.

Мать Морриса — полька, приехала из Вильно в Америку, где и встретила своего Генриха.

Коэн всегда отзывался о родителях с уважением:

«В мои детские годы отец и мать трудились в прачечной по 12 часов в день, по 72 часа в неделю. А после отец еще и развозил молоко. Вскоре сменил все это на работу в пищевой промышленности. Стал членом профсоюза. У родителей было много друзей. Почти все приехали в Америку из Российской империи.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОРРИСА И ЛЕОНТИНЫ КОЭНОВ

- 1898 — Генрих Коэн, отец Морриса, эмигрировал из России в США.
- 1910, 2 июля — в Нью-Йорке родился Моррис Коэн.
- 1913, 11 января — в США в штате Коннектикут родилась Леонтина Тереза Петке.
- 1927 — Моррис Коэн учится в университетах Миссисипи и Иллинойса.
- 1935 — Моррис вступает в Коммунистическую партию США. В этом же году в компартию вступает Лона. Моррис окончил Колумбийский университет. Работал преподавателем истории в средней школе.
- 1937, май — знакомится с Леонтиной Петке, своей будущей женой, на митинге в поддержку Республиканской Испании.
- 21 июля — Коэн под именем Израэля Ольтманна отправился из США через Великобританию во Францию. Перейдя Пиренеи, нелегально проник в Испанию, где сражался в интербригаде.
- 13 октября — Коэн тяжело ранен в бою под Фуэнтес-де-Эбро. Во время лечения в госпитале города Мурсия дал согласие работать на советскую разведку.
- 1938 — прошел курс спецподготовки в Барселоне.
- 20 декабря — Моррис Коэн через Францию возвращается в США.
- 1941, июль — Моррис Коэн и Леонтина Петке вступают в брак.
- 1942, июль — Моррис призван в армию и отправлен на Аляску.
- 1943, лето — Лона Коэн встречается с молодым ученым «Персеєм», передавшим ей ценнейшие данные по «Манхэттенскому проекту». Эта операция считается одной из самых успешных в истории отечественной разведки.
- 1944, июнь — Моррис Коэн участвует в высадке союзных войск в Нормандии. До осени 1945 года находится в действующей армии во Франции (Шербур, Сент-Ло), Бельгии (Арденны), Германии (Эльба, Веймар).
- 1945 — Лона (предположительно) вновь отправляется на встречу с «Персеєм».
- Ноябрь — демобилизация Морриса.
- 1947 — в Париже Моррис и Лона встречаются с «Алексеем», он же «Джонни», — Анатолием Яцковым.
- 1950, 30 июня — Моррис и Лона покидают США.
- 5 июля — 25 сентября — Моррис и Лона скрываются на конспиративной квартире советской разведки в Мексике.
- 11 октября — Коэны добираются до Европы. Первая остановка — предположительно Амстердам (Голландия). Затем добираются до Цюриха (Швейцария). Задержаны в ФРГ на станции Гридлинг при переезде в Чехословакию.

- 17 октября — 16 ноября — Коэны находятся в Праге (Чехословакия).
- 16 ноября — добираются до Москвы.
- 1951—1953 — проходят специальную подготовку в Советском Союзе.
- 1953 — Лона Коэн сопровождает Павлова, одного из руководителей советской разведки, во время его нелегальной миссии в Австрии, Бельгии, Италии, Франции, Швейцарии.
- 1953—1954 — оседают в Польше под фамилией Крогер (предположительно полтора года).
- 1954 — в Австрии получили паспорта граждан Новой Зеландии Крогеров.
- Декабрь — Коэны в Лондоне.
- 1955, конец марта — Моррис и Лона встречаются в Париже с «Беном» — Гордоном Лонсдейлом (Кононом Молодым).
- 1961, 7 января — арест в Великобритании.
- 13 марта — начало судебного процесса над Крогерами.
- 22 марта — суд приговорил Гордона Лонсдейла к 25 годам, Питера Крогера к 20 плюс пяти годам, Хелен Крогер к 20 годам тюремного заключения.
- 1961—1969 — Крогеры отбывают заключение в тюрьмах Ее Величества в Великобритании.
- 1969, 24 июля — Крогерам объявлено об их выходе на свободу через три месяца.
- 24 октября — Крогеры вылетают в Варшаву.
- 25 октября — прибывают в Москву.
- 17 ноября — Моррис и Леонтина Коэны за большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности награждены орденами Красного Знамени.
- 15 декабря — Коэны приняты в советское гражданство. Становятся пенсионерами союзного значения.
- 1970, апрель — председатель КГБ СССР Юрий Андропов побывал у Коэнов на новоселье в квартире на Большой Бронной улице.
- 1970—1990-е — Моррис и Лона Коэны передают свой опыт молодым разведчикам. Считается, что в эти годы Коэны побывали в Польше, Болгарии, ГДР, Венгрии, Чехословакии.
- 1985 — Коэны награждены орденами Дружбы.
- 1992, осень — из США в Москву приезжает София, младшая сестра Лоны.
- 23 декабря — скончалась Леонтина Коэн.
- 1995, 23 июня — скончался Моррис Коэн.
- 1995, 20 июля — Моррису Коэну посмертно присвоено звание Героя России.
- 1996, 15 июня — Леонтине Коэн посмертно присвоено звание Героя России.
- 2023, 11 января — на фасаде дома на Большой Бронной улице, в котором с 1969 по 1995 год жили супруги Коэны, в их память открыта мемориальная доска.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Барковский В. Ни мифов, ни легенд. Научно-технический прогресс и разведка: Статьи. 1995. 15 февраля.

Гуськов С., Долгушин Е. Операция «Энормоз»: Документы внешней разведки. М.: Вече, 2024.

Дело Морриса и Лоны Коэн // Рассекреченные файлы ФБР.

Дамаскин И. Разведчицы и шпионки 2. М.: Олма-Пресс, 2000.

Долгополов Н. Гении внешней разведки. М.: Молодая гвардия, 2000.

Долгополов Н. Легендарные разведчики 1. М.: Молодая гвардия, 2020.

Долгополов Н. Вильям Фишер (Абель). М.: Молодая гвардия, 2024.

Долгополов Н., Никас Сафронов. Легально о нелегальном. М.: Молодая гвардия, 2023.

Письма из тюрем Ее Величества. 1961—1969: Рассекреченные материалы СВР: В 2 т. М.: Центр изучения общественных прикладных проблем Александра Жилина, 2001.

Павлов В. Операция «Снег». М.: Гея, 1996.

Павлов В. Трагедии советской разведки. М.: Центрполиграф, 2000.

Павлов В. Женское лицо разведки. М.: Олма-Пресс, 2003.

Хогертон Д., Рэймонд Э. Когда Россия будет иметь атомную бомбу? М.: Иностранная литература, 1948.

На английском языке

Albright Joseph, Kunstel Marcia. Bombshell: The Secret Story of American's Unknown Spy Conspiracy (Times Books). 1997.

Annotated bibliography of Theodore Hall from the Alsos Digital Library for Nuclear Issues.

Barnes Trevor. Dead Doubles. W and N, 2020.

Cowel Alan S. Theodore Hall, Prodigy and Atomic spy Dies at 74 // The New York Times. 1999. 10 November.

Evans Stanton, Romerstein Herbert. Stalin's Secret Agents. The Subversion of Roosevelt's Government. New-York: Simon and Schuster, 2012.

Groves Leslie R. Now It Can Be Told. Harper and Brothers, 1962.

Jackson Harold. Theodore Hall. US scientist-spy who escaped prosecution and spent 30 years in biological research at Cambridge // The Guardian. 1999. 16 November.

Mr. Gerald Brooke: Release. 1969. 24 July.

Tchikov Vladimir, Gary Kern. Comment Staline a vole la bombe atomique aux Americaines. Dossiers KGB № 13676. Robert Laffont, 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

Эпилог	5
Вместо пролога	8
Командир «Волонтеров»	9
Кто такой «Персей»?	12
Лона поехала «за чем-то»	13
«Моррис, вы помните Абея?»	16
Бегство со всех ног	18
Из просто Ольтманна — в просто разведчики	23
Кто вы, Моррис Коэн?	24
Биография начиналась так	28
Какое небо над Испанией	31
Разведка шла всерьез	43
За атомной бомбой в Лас-Вегас	58
Поводырь для начальника нелегалов	64
ФБР охотится на Коэнов	72
Конон, Лонсдейл, «Бен»... Кем был нелегал Молодой? ...	80
Дело «Портлендской пятерки»	93
Моррис и Лона Коэны о Питере и Хелен Крогерах	138
Во Францию — к одному товарищу	138
Моррис начинал учителем	141
Превращение в «Крогеров»	141
Сквозь прутья решетки	161
Связник Абея и Коэнов	174
«Наташа будет как моя дочь»	197
«Персей» остался «Персеем»	211
Кто-кто в доме живет?	223
<i>Приложения</i>	
<i>Приложение 1. Разведчики любили нас и друг друга.</i>	
Тюремный роман в переписке	236
<i>Приложение 2. Редкий гаденыш</i>	
254	
<i>Приложение 3. Что добыла разведка</i>	
260	
<i>Приложение 4. Курьез? Удача? Случай?</i>	
264	
<i>Приложение 5. Указ от 23 сентября 1969 года Ее Величества</i>	
<i>Королевы Великобритании Елизаветы II о помиловании</i>	
<i>Питера Крогера</i>	265
<i>Приложение 6. Указы о присвоении звания Героя России</i>	
<i>Моррису и Леонтине Коэнам</i>	266
Основные даты жизни и деятельности Морриса	
и Леонтины Коэнов	267
Литература	269

Д64 Долгополов Н. М.

Моррис и Леонтина Коэны: Единственная в отечественной истории пара разведчиков-нелегалов — Героев России / Николай Долгополов. — М.: Молодая гвардия, 2025. — 270[2] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 2068).

ISBN 978-5-235-05261-1

Это первое официально выверенное повествование о наших разведчиках-нелегалах, Героях России: раньше мешал гриф секретности, снятый Службой внешней разведки РФ специально для этой книги. Ведь именно они еще до Великой Отечественной войны добровольно пришли на помощь нашей стране и добыли для нее множество секретов, самые важные из которых — атомные. На основе подлинных документов впервые рассказывается, в каких странах работали нелегалы, вынужденные бежать из США. Читатель познакомится с беседами Морриса и Лоны, записанными исключительно для служебного пользования, с их друзьями по разведке: Вильямом Фишером — Абелем, Кононом Молодым, Юрием Соколовым, Героями России Александром Феклисовым, Анатолием Яцковым, а также с их английскими и американскими агентами — нашими верными помощниками, узнает, кем же был человек, раскрывший для нас секреты атомной лаборатории в Лос-Аламосе, раньше известный нам лишь под оперативными псевдонимами. Приведены недавно рассекреченные в США и Англии донесения сотрудников ЦРУ, ФБР, СИС, охотившихся за нашими разведчиками, дневниковые записи британского следователя, который вел дело наших нелегалов. Автору, трижды лауреату литературной премии СВР, единственному из российских журналистов и писателей довелось встречаться в Москве с Моррисом Коэном, беседы с которым дополняют рассказ о жизни разведчиков в нашей стране.

УДК 355.34:94(092)(47)

ББК 63.3(2)63-36-8

знак информационной
продукции

16+

Долгополов Николай Михайлович
МОРРИС И ЛЕОНТИНА КОЭНЫ
Единственная в отечественной истории
пара разведчиков-нелегалов — Героев России

Редактор **Е. В. Смирнова**
Художественный редактор **К. В. Забусик**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Е. Ю. Толкачева**

Сдано в набор 16.05.2025. Подписано в печать 30.05.2025. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
14,28+0,84 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-235-05261-1